

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПОСЛОВИЦЫ КАК НОСИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКА

Изучающие русский язык как иностранный прежде всего стремятся овладеть ещё одним способом участия в коммуникации. Но одновременно с усвоением языка человек проникает в новую для него русскую культуру, приобщается к истории и современной жизни русского народа. Носители языка и сами шире познают свою собственную национальную культуру посредством родного языка. Язык подсказывает ребёнку, на какие предметы и явления дифференцируется окружающая его действительность, какова его семейная и этническая принадлежность, каково прошлое и настоящее его народа; в результате за пять-семь лет жизни ребёнок, овладевая языком, становится носителем данной национальной культуры. Принцип неразрывной связи родного языка и родной культуры уже не подвергается сомнению. Ещё К.Д. Ушинский в статье «Родное слово» (1861) писал: «В языке одухотворяется весь народ и вся Родина; в нём претворяются творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, её воздух, физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа» [7, 227].

Однако изучаемый язык «не отдаёт» хранимую им информацию автоматически: необходимы целенаправленные усилия. Для этого предназна-

Проблемы славянской культуры и цивилизации

чен лингвострановедческий подход в преподавании и изучении языка как иностранного, при котором раскрывается связь языковых единиц с культурой, историей, бытом народа-носителя языка и осуществляется освоение человеком, который вырос в окружении одной национальной культуры, основных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры.

Такой подход разрабатывается в русистике уже более тридцати лет. Термин «лингвострановедение» был впервые употреблён Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым в брошюре «Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам» (1971). Впоследствии были опубликованы многочисленные статьи, учебники, словари, учебные пособия и методические руководства по данной проблематике. Лингвострановедение получило теоретическую разработку и практическую реализацию как филологическое понятие и как аспект в преподавании языка. В начале 1980-х гг. возникла своеобразная американская версия лингвострановедения, получившая название «культурной грамотности» (cultural literacy), которая развивается независимо от её русского аналога, хотя и имеет с ним много общих концептуальных и методологических положений [5, 72-80].

Лингвострановедческий аспект в преподавании и изучении языка является актуальным не только в отношении иностранцев, изучающих русский язык. В мире существует довольно большое количество языковых ситуаций, когда на одной территории одновременно функционируют несколько этнических языков, а значит, существуют (в той или иной степени развития) несколько этнических культур (например, сосуществование четырёх государственных языков и, соответственно, четырёх этнических культур в Швейцарии). А для большинства стран на территории бывшего СССР характерны такие культурно-языковые ситуации, при которых представители одного этноса в рамках определённой полиэтничной нации в той или иной степени знакомы с культурой другого этноса, но плохо знают (или совсем не знают) его язык, или наоборот, что является результатом многолетней государственной национальной политики социализма, направленной на тотальное «объединение» разных этносов в одну нацию «советский народ». Поэтому лингвострановедение, кроме выполнения своей основной функции – быть ориентированным на практику преподавания и изучения языка как иностранного, может быть очень полезным для тех, кто изучает другой язык как неродной в условиях двуязычия [4].

Особенности истории, быта, обычаев, русского народа, общественно-экономического устройства России, русской литературы, художественной культуры, природы отражены, зафиксированы и передаются из поколения в поколение той совокупностью значений языковых единиц, которую принято называть «национально-культурной семантикой» языка [2, 41]. Именно благодаря ей в языке реализуется «кумулятивная» функция: накопление и сохранение культурной информации, поэтому национально-культурная семантика языка является объектом исследования лингвострановедения.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в морфологии, и в синтаксисе, и даже в фонетике. Однако наиболее

ярко она проявляется в номинативных единицах языка, которые прямо и непосредственно отражают внеязыковую действительность, называют предметы и явления окружающего мира. Номинативная семантика свойственна словам, фразеологизмам и языковым афоризмам (пословицам, поговоркам и крылатым выражениям). Проявление национально-культурной семантики языка в языковых единицах является предметом исследования лингвострановедения.

Любая языковая единица, например слово, обладает двумя планами: план выражения слова (его звуковая оболочка) – лексема, план содержания слова – семема. См. схему структуры слова [1, 26]:

С Л О В О	Л Е К С Е М А	
	С Е М Е М А	Л Е К С И Ч Е С К О Е П О Н Я Т И Е ----- Л Е К С И Ч Е С К И Й Ф О Н

Понятийные семантические доли (СД), обеспечивающие классификацию (узнавание и номинацию) предмета, входят в состав лексического понятия. Непонятийные СД, которые не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека, но входят в семему, составляют лексический фон слова. Именно лексический фон языковых единиц выполняет функцию фиксации, хранения и передачи небольшого объёма информации о постигнутой обществом действительности [1, 23].

Слова, фразеологизмы и пословицы изоморфны друг другу, т.е. одинаково «устроены»: во-первых, все они имеют свою звучащую форму – означаемое, во-вторых, классифицируют предметы, явления и ситуации окружающего нас мира, в-третьих, благодаря своему фону (лексическому, фразеологическому или афористическому) помогают людям удерживать в памяти знания о мире. Общую структуру семантики и функции номинативной единицы графически можно представить так [2, 82]:

ОЗНАЧАЕ- МОЕ	Звуковая оболочка слова, фразеологизма или пословицы	Функции: называния
ОЗНАЧАЮ- ЩЕЕ	Лексическое понятие или типовая ситуация ----- лексический фразеологический афористический Ф О Н	классификации ----- кумуляции

Фразеологизм – это такое выражение, общее значение которого не выводится из самостоятельных значений каждого входящего в него слова.

Проблемы славянской культуры и цивилизации

Например, если о ком-то сказано, что он *наделал глупостей*, то смысл словосочетания складывается из отдельных смыслов слов *наделать* и *глупости*. А во фразе *Ну и наломал же ты дров!* смысл *'наделать глупостей'* не вытекает из значений глагола *наломать* и существительного *дрова*. Получается, что заранее нельзя предвидеть, какое значение возникнет в особом, фразеологическом словосочетании при сложении самостоятельных слов [8, 5]. Ведь *родиться в сорочке* означает 'сопутствие удачи, везения', а не факт рождения человека в какой-либо одежде, а *ловить рыбу (рыбку) в мутной воде* означает 'пользуясь неясностью обстановки, разногласиями и т.п., извлекать выгоду из чьих-либо затруднений' без всякого намёка на рыбную ловлю. Во фразеологическом сочетании слова не прибавляют свои смыслы один к другому, а производят своеобразный, порой причудливый общий смысл всего высказывания. В этом заключается идиоматичность фразеологизма – невыводимость его семантики из значений составляющих его слов.

Пословица – это устойчивая, завершённая фраза, в которой конденсируется мудрость народа [9, 7]. В обобщённом виде пословица констатирует свойства людей и явлений, даёт им оценку или предписывает образ действий: *В семье не без урода; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Взятся за гуж, не говори, что не дюж; Волков бояться – в лес не ходить; Всякому овощу своё время; Выше головы не прыгнешь; Горбатого могила исправит; Дыма без огня не бывает; Жизнь прожить – не поле перейти* и т.д.

Большинство сочетаний слов и фраз говорящий сам строит непосредственно в процессе речи. Например, если вы считаете почерк какого-либо человека неразборчивым, вы можете по своему выбору сказать, что он «пишет неряшливо или некрасиво», что у него «плохой или неразборчивый почерк» и т.д. Но если вы скажете, что он «пишет как курица лапой», то выражение «как курица лапой» не создано в момент речи путём комбинирования самостоятельных слов, а извлечено из памяти. Воспроизводимость является свойством языковых (а не речевых) единиц. В процессе изучения языка человек запоминает языковые единицы как нечто цельное и во время речевых актов, в ходе коммуникации извлекает их из памяти. Своей характеристикой воспроизводимости фразеологизмы объединяются с другими строевыми единицами языка – со словами и языковыми афоризмами: все они представляют собой клише, могут иметь омонимы, синонимы и антонимы.

Синтаксическая форма фразеологизмов (словосочетание) отличает их от слов, не имеющих членимости на полнозначные синтаксические элементы, и от пословиц, имеющих синтаксическую форму фразы: *Голь на выдумки хитра; Горбатого могила исправит; Что написано пером, того не вырубишь топором; Семь раз отмерь, один отрежь* и т.д.

Однако синтаксическая членимость фразеологизма не препятствует ему выполнять в составе фразы функции, аналогичные синтаксической функции отдельных словоформ – быть членом предложения. Например, обстоятельство образа действия может быть выражено одним словом (повторил фразу *дословно*) или фразеологическим словосочетанием (повторил фразу *слово в слово*), но эти синтаксические различия никак не сказыва-

ются на полностью одинаковой синтаксической функции как одного слова, так и многословного фразеологического сочетания.

Семантика фразеологизмов совпадает с семантикой слов, но противопоставляется семантике языковых афоризмов. Фразеологизмы, подобно словам, выступают как знаки единичных вещей и явлений (точнее, понятий, в объём которых входят свойства этих предметов или явлений, событий и т.д.). Семантическая эквивалентность слов и фразеологизмов легко доказывается возможностью их взаимозамены, причём смысловые потери при таких заменах аналогичны модификациям семантики при обычных синонимических подстановках. Сравните: *не на жизнь, а на смерть* = беспощадно; *оставить на бобах* = обмануть; *тёртый калач* = очень опытный; *с три короба* = очень много; *слово в слово* = дословно; *гол как сокол* = очень беден и т.д.

Пословицы же отражают ситуации или отношения между вещами и явлениями (понятиями), они являются эквивалентами целых рассказов. «Вместо того чтобы долго и скучно описывать какую-либо часто встречающуюся ситуацию, например такую, как *«Когда у нас нет какой-либо (нужной) вещи, её может заменить и заменяет другая, не обладающая всеми свойствами первой»*, мы просто говорим: *На безрыбье и рак рыба*» [6, 251]. Пословица не только обозначает суждение, т.е. сочетание понятий, из которых одно определяется и раскрывается через другое, но и типовую ситуацию, т.е. совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции – в отвлечении от мелких и несущественных характеристик.

Для лингвострановедения особенно важна двуплановость семантики словосочетания, образующего фразеологизм. Идиоматичный смысл словосочетания приобретает не сразу: ему всегда предшествует прямой смысл. В словосочетании *поддавать жару* (буквально «сделать так, чтобы было ещё жарче») имеется в виду русская парная баня, в которой плещут ковшом воду или квас на раскалённые камни, чтобы поднимался горячий пар, и в бане делалось ещё жарче. Со временем словосочетание приобрело идиоматичное значение: заставлять действовать активнее, энергичнее. Например: *Что-то студенты наши стали скучными. Ступай-ка поддай им жару, покажи, как надо веселиться*. Так говорится о том, кто словами или собственным примером воодушевляет кого-либо, заставляя снова быть активным.

Таким образом, имеется группа словосочетаний, которые можно понимать в прямом смысле и которые допускают переносное понимание (например, *дразнить гусей; играть в прятки; махнуть рукой; считать ворон; вить верёвки* и т.д.). Семантика этих словосочетаний и в наши дни остаётся двуплановой, так что даже не будучи лингвистом, носитель языка обычно может объяснить, почему у фразеологизма возникло то или иное значение. Такова синхроническая (современная, актуальная) двуплановость фразеологических словосочетаний.

Ещё большая группа фразеологизмов обладает двуплановостью семантики только с диахронической (исторической, временной) точки зрения. Это значит, что носитель языка (не языковед) уже не воспринимает прямой смысл словосочетания, лежащего в основе фразеологизма, а воспринима-

Проблемы славянской культуры и цивилизации

ет только идиоматическое значение. Такое происходит либо потому, что устаревают слова из их состава, либо же забывается явление (обычай, примета, ремесло, бытовое правило, обряд и т.д.), которое легло в основу некогда свободного словосочетания. Например: *турусы на колёсах*; *разводить бобы* и т.д.

Следовательно, необходимо отличать сам фразеологизм с его идиоматическим значением от генетического прототипа этого фразеологизма – некогда свободного словосочетания с его прямым смыслом.

Пословица также имеет свой прототип [2, 75]. Так, если время, силы или средства тратятся на дело, не заслуживающее внимания, можно сказать: *Овчинка выделки не стоит*. Эта пословица будет произнесена не для того, чтобы напомнить, что процесс обработки (выделки) овечьей шкуры связан с большой затратой времени и труда. Но в соответствующей ситуации её можно понять и таким смысле. Однако семантика прототипа не имеет непосредственного отношения к его номинативной функции – вычленению, обособлению и называнию ситуаций.

Многие фразеологизмы обнаруживают тесную связь с пословицами: пословица может просто разделиться на два фразеологизма, но чаще она усекается. Например, фразеологизмы *заваривать кашу* и *расхлёбывать кашу* представляют собой части пословичного выражения *Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай*, фразеологизм *погнаться за двумя зайцами* – усечённая пословица *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*, фразеологизм *молодо-зелено* представляет собой часть пословицы *Молодо-зелено, погулять велено* и т.д.

Итак, фразеологизм как самостоятельная номинативная языковая единица в синтаксической форме словосочетания, обладающая идиоматической семантикой, и пословица как изоморфная ему языковая единица в синтаксической форме предложения, имеющая переносный (образный) план, являются очень ценными в лингвострановедческой интерпретации любого языка. Выделяют три составляющих страноведческой ценности русских фразеологизмов и пословиц.

Во-первых, они отражают национальную культуру своими идиоматическими значениями (всеми своими элементами, вместе взятыми), т.е. нерасчленённо, комплексно, как цельные знаки. Некоторые фразеологизмы называют такие явления прошлого и настоящего России, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Например: *задать/задавать баню* – сильно отругать кого-либо (угроза, содержащаяся в переносном значении этого фразеологизма, восходит к представлению о «мучении» в парной русской бане, которая топилась так жарко, что бывало трудно дышать); *куда глаза глядят* – не выбирая пути, без определённой цели (этот фразеологизм часто встречается русских народных сказках, герои которых отправляются «в дальнюю дорогу», где их после больших испытаний ждут удача и счастье, в нём отразилось представление о необозримых просторах русской земли и возможности идти долго, не встречая препятствий на своём пути) и т.д. Многие пословицы в своём содержании накапливают и хранят коллективный опыт народа, особенности его национальной культуры, в которых обнаруживается местный колорит: *Назвался груздем,*

полезай в кузов; *В огороде бузина, а в Киеве дядька*; *Не красна изба углами, а красна пирогами*; *На охоту ехать – собак кормить* и т.д.

Во-вторых, русские фразеологизмы и пословицы отражают национальную культуру единицами своего состава, т.е. расчленено. Некоторые слова из их состава могут принадлежать к числу безэквивалентных, которые невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (и, соответственно, перевести на другой язык с помощью устойчивого соответствия, эквивалента). Например:

видеть на три аршина под землёй (фразеологизм) – отличаться большой пронизательностью, где *аршин* – русская мера длины, равная 0,71 метра, которая применялась до введения в 1918 г. метрической системы мер;

седьмая вода на киселе (фразеологизм) – очень дальняя родня, очень дальний родственник, где *кисель* – национальное русское кушанье, которое представляет собой жидкую студенистую массу, а *семь* – это число, считающееся на Руси магическим, имеющим особую сверхъестественную силу;

от горшка два вершка (фразеологизм) – маленький, мал ростом, где *вершок* – старинная русская мера длины, равная приблизительно 4,5 см, которая вышла из употребления после введения метрической системы в 1918 г.;

зубы заговаривать (фразеологизм) – разговорами на другую тему намеренно отвлекать внимание собеседника от чего-либо, где *заговаривать* – произносить определённый подбор слов или специальный текст для излечения зубов с помощью колдовства;

Вашими бы устами да мёд пить (пословица) – хорошо, если бы всё было так, как вы говорите; где *уста* (устар.) – рот, губы, *мёд* – сладкий опьяняющий напиток из пчелиного мёда и воды с добавлением хмеля и пряностей, очень распространённый в древности, но вышедший из употребления;

Не всё коту масленица <, бывает и великий пост> (пословица) – не всегда бывают только удовольствия, случаются и неприятности; где *масленица* – древнеславянский (с языческих времён) праздник проводов зимы, когда обязательно пекли блины, к столу подавались обильные и жирные кушанья. Христианская церковь приняла и установила этот праздник в последнюю неделю перед великим постом, во время которого запрещалось есть молочные и мясные блюда и т.д.

В-третьих, фразеологизмы и пословицы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания и фразы описывали определённые обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое. Например:

прописать ижицу (фразеологизм) – проучить, наказать, где *ижица* – название вышедшей из употребления последней буквы старинного русского алфавита (которая обозначала звук [и]), написание слов с которой вызывало трудности у учащихся, провинившимся ученикам «прописывали ижицу на спине», т.е. били розгами по спине;

коломенская верста (фразеологизм) – очень высокий человек, где *верста* – столб, которым отмечали расстояние, расставленные между населёнными пунктами, такие столбы указывали расстояние между ними; в XV – XVII вв. в селе Ко-

ломенском находилась летняя резиденция русских царей; в середине XVII в. на дороге между Москвой и Коломенским были расставлены новые верстовые столбы, которые были значительно выше старых и тех, что стояли на других дорогах;

тянуть канитель (фразеологизм) – затягивать, замедлять какое-либо дело, осуществление чего-либо, где *канитель* – очень тонкая золотая или серебряная нить, которая употребляется главным образом для вышивания; работа по её изготовлению (вытягивание куска металла в нить) требовала очень много времени и была очень утомительной;

бить в набат (фразеологизм) – привлекать всеобщее внимание, оповещать общество о какой-либо опасности, где *набат* – специальный (очень мощный) колокол, в который ударяли, чтобы оповестить народ о пожарах, нашествиях врагов и других неожиданных несчастьях, спастись от которых можно было только всем вместе;

В чужой монастырь со своим уставом не ходят (поговорка) – в гостях или где-либо не у себя дома подчиняются тем правилам, порядкам и обычаям, которые там существуют, свои порядки не устанавливают; в дореволюционной России каждый монастырь имел свой *устав* – свод правил, которыми руководствовались все живущие в нём; эти правила устанавливали сами монахи и в жизни следовали только своему уставу, вновь пришедшие должны были подчиняться принятым здесь правилам и т.д.

Таким образом, обширный материал убеждает, что целый ряд русских фразеологизмов и пословиц содержит в своей семантике национально-культурный компонент (либо с позиции современного языкового сознания, т.е. синхронно, либо по причине сопряжённости с национальной культурой словосочетания-прототипа, т.е. диахронно) и является ценным источником лингвострановедческого описания русского языка.

Примечания

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / Под ред. В.П. Фелициной. – М., 1967.
4. Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я. Лінгвакраіназнаўчае апісанне беларускай мовы // Избранные труды ученых МГУ им. А.А.Кулешова – Могилёв, 2003. – С. 153–156.
5. Костомаров В.Г. Американская версия лингвострановедения (обзор концепции "литературной грамотности") // Русский язык за рубежом. – М., 1989. – № 6. – С. 72–80.
6. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа / Сост. Е.М. Мелетинский, С. Ю. Неклюлов. – М., 1975.
7. Ушинский К.Д. Проблемы педагогики. – М., 2002.
8. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. – М., 1990.
9. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М., 1980.